

Mark Sebba, Alexandra Jaffe, Jannis Androutsopoulos, Sally Johnson (eds.). *Orthography as Social Action: Scripts, Spelling, Identity and Power.* Berlin: De Gruyter, 2012. 392 p. (Language and Social Processes)

Коллективная монография «Орфография как социальное действие: алфавиты, правописание, идентичность и власть» посвящена изучению орфографии как особого уровня репрезентации социальных представлений. Авторы поставили перед собой задачу доказать, что любой выбор письменности, выбор буквы, правописания, алфавита опосредован системой представлений о себе, своем и чужом языке. Издание содержит 14 глав, в которых авторы на примерах из разных стран, культур и времен показывают, как письменность становится частью более широкой языковой идеологии. Исследователи убедительно доказали, что орфографический уровень содержит все те социальные смыслы, что и устная разговорная речь — фокус подавляющего большинства социолингвистических исследований.

Ключевые слова: орфография, языковая идеология, отношение к языку, грамотность, графические аспекты письма.

В рецензируемой коллективной монографии «Орфография как социальное действие: алфавиты, правописание, идентичность и власть» авторы предлагают взглянуть на орфографию с позиций социолингвистики и лингвистической антропологии. Их задача — показать, что орфография любого языка — сложная символическая структура, нагруженная смыслами, связями, образами, представлениями, конфликтами, обладающая властью сама и отражающая волю власти. Большинство сюжетов, которые описывают авторы, относятся к XX в., за исключением двух глав: пятая глава посвящена урду и хинди в XIX в., а шестая глава — Европе 1750–1830 гг.

Сквозная тема книги — выбор той или иной орфографии как определенный акт, имеющий различные социальные смыслы, как имплицитные, так и явные, артикулируемые самими пользователями и создателями.

Сборник редактировали четверо известных специалистов, которые много лет посвятили исследованиям письменных текстов с точки зрения и социолингвистики, и линг-

Елена Андреевна Лубянкина
Европейский университет
в Санкт-Петербурге
lubyankina@gmail.com

вистической антропологии: Александра Яффе (Alexandra Jaffe) — профессор лингвистической антропологии Калифорнийского университета Лонг-Бич, Яннис Андруцопулос (Jannis Androutsopoulos) — исследователь медиатекстов и языка компьютерно-опосредованной коммуникации, Марк Себба (Mark Sebba) — британский профессор, много лет изучавший ямайский креольский язык, а в настоящее время исследующий орфографию с точки зрения социолингвистики, и Салли Джонсон (Sally Johnson) — профессор лингвистики университета Лидса, специалист по немецкому языку, медиадискурсу и социолингвистике медиатекстов.

Книга состоит из четырнадцати глав, написанных разными авторами. Уровень глав в целом высокий, хотя и неровный.

Рецензировать данное издание непросто. Во-первых, в монографии рассматривается много различных кейсов, каждый из которых достоин отдельной рецензии. Во-вторых, трудно сфокусировать рецензию и при этом ничего не упустить, поскольку авторы рассматривают свои кейсы с опорой на разные области социолингвистики и лингвистической антропологии. Это и отношение носителей к языку и его письменной форме, и приверженность языку (language loyalty), и диглоссия, и идентичность, и языковая политика, и многое другое. Выходя за рамки и социолингвистики, и лингвистической антропологии, авторы используют качественные и количественные исследования, интерпретируют культурные смыслы, соотносят орфографию с языковой политикой и идеологией.

Рецензируемая книга является продолжением работ в области исследований языковой идеологии. Эта тема давно интересует антропологов, социолингвистов, специалистов по медиадискурсу и другим областям гуманитарного знания.

В качестве теоретической основы для своих исследований большинство авторов взяли работу Катрин Вулард и Бэмби Шиффелин «Языковая идеология», которая была впервые представлена в 1991 г. на ежегодной встрече Американской антропологической ассоциации. В 1994 г. в серии “Annual Review of Anthropology” была напечатана статья Вулард и Шиффелин с обзором основных понятий и подходов, а также особенностей применения термина «языковая идеология» в различных социальных науках. В 1998 г. те же авторы совместно с Полом Кроскрити (Paul Kroskrity) опубликовали монографию «Языковая идеология: практика и теория».

Вулард и Шиффелин описывают понятие языковой идеологии как совокупность убеждений в отношении языка со ссылкой на Сильверстейна [Silverstein 1979]. В статье [Woolard, Schieffelin

1994] авторы показывают, как именно языковая идеология связана с рядом понятий, используемых в лингвистической антропологии и социолингвистике, таких как языковая политика, языковое планирование, языковой пуризм, отношение к языку, стандартизация языка, языковой престиж, языковая лояльность и др.

Орфографические системы для Вулард и Шеффелин не просто способ сведения устной речи к письменной, не просто манера записи и чтения, но символы, которые несут в себе культурные, исторические и политические значения, бытующие в определенном обществе.

Эту идею развивает в своих работах Марк Себба: орфография не просто инструмент передачи устной речи на письме, это еще и целый набор иконических символов, имеющих широкое коннотационное поле. Описание иконизации (символизации) знака взято из определения Ирвин и Гэл: иконизация — это «трансформация знаковых отношений между лингвистическими особенностями (вариантами) и социальными представлениями, с которыми эти особенности связаны» [Irvine, Gal 2000: 37]. То есть для определенного носителя или группы лиц та или иная особенность орфографии, письменности, шрифта, алфавита может быть связана с тем или иным образом, фактом или принадлежностью к чему-либо или кому-либо (например, шрифт, стилизованный под арабскую вязь, может символизировать ислам или исламскую культуру и традиции).

Орфографические противостояния и конфликты бывают не только в странах, которые оказываются перед выбором новой орфографии, но и там, где орфографические традиции и система давно устоялись; в качестве примера можно привести регулярно возникающие дебаты вокруг французской орфографии. Стандартизация языка всегда связана с политикой и идеологией: представление о том, что именно станет нормой, стандартом, опосредовано идеологией и воззрениями создателей стандартов для языка, а не собственно языковыми процессами [Woolard, Schieffelin 1994: 64].

Об особой функции стандартизированного языка одним из первых писал Майкл Сильверстейн, отсылки к которому встречаются практически в каждой статье рецензируемой книги. Сильверстейн, анализируя уорфианские истоки работы Андерсона «Воображаемое сообщество», писал, что «при стандартизации использование говорящими денотативного кода также отражает социологически дифференцированную *преданность или, по крайней мере, ориентацию на норму* [курсив мой. — Е.Л.], созданную в результате стандартизации. Стандартизация, в свою очередь, представляет собой воображение и явное ин-

ституционализированное поддержание “стандартного” регистра — способ использования слов и выражений для референции и предикации, основанный на различных институционализированных предписаниях и запретах, — когда считающиеся лучшими говорящие и писатели среди населения выказывают свою преданность всему населению» [Сильверстейн 2005: 119].

Иначе говоря, социальный конструкт «стандартный язык» имеет определенную идеологическую нагрузку, в том числе осознаваемую пользователями стандартного языка, которые поддерживают высокий статус нормативного языкового варианта. В то же время использование нестандартного письменного регистра также будет определенным маркером (например, политической оппозиционности, религиозной принадлежности, классовой стратификации) именно потому, что находится на другом конце шкалы, вдали от нормы, принятой и поддерживаемой большинством.

Члены языкового сообщества с высоким уровнем языковой приверженности стараются поддерживать престижность и социальную значимость нормы (показателен российский пример — создание сайта <<http://tsya.ru/>>, посвященного правописанию глаголов на -тся и -ться). И сопротивление орфографической норме, и ее поддержка в коллективе или на уровне индивида являются сторонами одного и того же процесса — социального действия. Истоки языковой идеологии лежат в самом выборе как акте социального действия в веберовском понимании. Выбор всегда опосредован теми или иными мотивами и пресуппозициями, имеющими культурные и социальные, исторические и политические составляющие.

В рецензируемой книге на примере различных языков и культур авторы показывают, каким образом элементы орфографии становятся иконическими символами. Другое важное наблюдение, сделанное авторами, — изменчивость и культурная обусловленность связей между орфографическим элементом и планом содержания.

Первая глава «Орфография как социальное действие: шрифты, правописание, идентичность и власть» написана Марком Себбой. Здесь сформулированы исследовательские позиции и разграничивается поле, в рамках которого авторы последующих глав будут интерпретировать полученные ими результаты. В главе описана история социолингвистического подхода к орфографии: отдельные попытки исследования социальных функций орфографии предпринимались с середины 1950-х гг., когда была опубликована статья Дональда Бернса «Социальные и политические последствия выбора орфографии» (Р. 2). В 1977 г. вышла книга Джошуа Фишмана «Успехи в создании

и пересмотре систем письменности» [Fishman 1977], но социальные аспекты орфографии продолжали находиться на периферии внимания социолингвистики до начала 90-х гг. XX в.

Себба справедливо указывает на взаимосвязь между исследованиями новых идентичностей в постколониальных странах и изучением орфографии как особого уровня репрезентации этничности. В 1992 г. Шеффеллин и Дусе исследовали социальные особенности выбора орфографии на Гаити и пришли к выводу, что дебаты вокруг орфографии были тесно связаны с представлением гаитян о себе и своем языке [Schieffelin, Doucet 1992]. Примерно в то же время Александра Яффе изучала сочетание языковых идеологий и правописания на Корсике [Jaffe 1996]. Тема была подхвачена многими социолингвистами и антропологами, проводившими полевые исследования в бывших колониях.

В данной главе Себба предлагает ряд понятий, которые могут быть использованы при анализе материала. В первую очередь, это понятие нерегулируемого орфографического пространства, включающего те виды письменных записей, которые зависят только от пишущего и не поддаются регулированию. Современное нерегулируемое орфографическое пространство — это sms, чаты, граффити и любые нерегламентированные уличные надписи (Р. 5).

Второе понятие — «зона социальных значений» — представляет собой спектр предельных отклонений от нормативного слова (буквы, любого знака). Зона социальных значений у Себбы имеет два предела: собственно лингвистический предел, за который пользователь языка выйти не может, и узнаваемость текста другими участниками коммуникации: текст должен пониматься носителями даже с использованием нестандартной орфографии.

Данная глава частично повторяет предыдущую монографию Себбы — хорошо принятую в профессиональной среде работу 2007 г. «Правописание и общество. Культура и политика в области орфографии» (“Spelling and Society. The Culture and Politics of Orthography around the World” [Sebba 2007]).

Во второй главе, названной «Орфография, общество и кризис легитимации: реформа немецкого языка в 1996 году», Салли Джонсон описывает ситуацию вокруг орфографической реформы в конце XX в., вызвавшей серьезные споры в немецком обществе.

В 1998 г. Конституционный суд Германии вынес решение, определившее свободный выбор той орфографии, которая удобна пишущему, — дореформенной или обновленной. Бур-

ные общественные дискуссии не утихали на протяжении многих лет, носители языка и пресса протестовали против новых правил и выступали за сохранение привычных орфографических норм, которые, как оказалось, значимы для общества и имеют особую символическую ценность.

Салли Джонсон предположила, что в основу противостояния между сторонниками и противниками реформы легли не собственно орфографические вопросы, а общественный конфликт между государством и языковым коллективом. Используя термин Хабермаса «кризис легитимации», она показывает, как общественные дискуссии об орфографических реформах отчасти спровоцировали законодательный кризис, и описывает случаи, когда общество может сопротивляться государственным решениям в области языковой политики.

Брайан Беннет (Brian Bennett) в третьей главе «Орфография и православие в постсоветской России» изучает отношения между религией и письменностью в России в начале 1990-х гг. В фокусе его внимания — восприятие дореволюционной орфографии как более «чистой», «священной» и «духовной» в дискурсе отдельных групп. Безусловно, поворотные этапы истории нашли отражение в русской орфографии. Автор справедливо упоминает и петровскую реформу, и революцию, и много других интересных фактов, известных нам (и автору) из монографии Татьяны Григорьевой «Три века русской орфографии», а в качестве главного примера приводит тексты националистической организации «Память». Выбор этого примера для демонстрации символических связей между православием и национализмом, православием и дореволюционной орфографией представляется не вполне когерентным. Даже в «бурные девяностые» (“turbulent 1990-s” — Р. 51) крайние формы национализма и вовлечение орфографии в область мистических практик были скорее маргинальными и не являлись отражением общих для постсоветской России тенденций. Это претензия скорее к названию главы, в которой тема сформулирована чересчур широко и заставляет читателя ждать большего, чем просто описание истории орфографических реформ в России и СССР с примерами из экстремистских текстов — а именно они притягивают внимание при чтении.

В главе есть и определенные проблемы с установлением причинно-следственных отношений между идеями, которые представляла националистическая организация, и методами, которыми она их реализовывала. Старый алфавит и дореволюционная графика были *средством репрезентации* и поддержки националистических и антисемитских (антизападных, в более широком смысле) позиций, а не *отражением убеждений* носи-

телей языка в сакральности дореформенного алфавита. «Память» использовала дореволюционные образы для презентации себя, вписывания именно своей группы в исторический контекст через визуальные образы: автор приводит в подтверждение этого карикатурные рисунки, дореволюционные слоганы (Р. 53). Можно предположить, что использование националистами из «Памяти» старой орфографии имеет отношение скорее к визуальным образам, чем собственно к орфографии. Вряд ли многие читатели одноименной газеты могли легко воспринимать дореволюционную орфографию, которая использовалась в издании (Р. 53). К выводам автора, что организация «Память» была первой, кто заявил о необходимости возвращения к дореволюционной орфографии (Р. 60), необходимо добавить, что это были скорее популистские лозунги в духе эпохи, чем реальные призывы к реформе письменности.

Четвертая глава книги также связана с Россией: Сюзанна Вертейм (Suzanne Wertheim) в главе «Исправление, переоценка и “татаризация” через изменение татарской орфографии» описывает историю конструирования новой идентичности через использование старой письменности. Известно, что для татарского языка существовало три системы письменности: старая руническая письменность, арабская письменность, использовавшаяся до 1920-х гг., и латинский алфавит. Затем добавилась четвертая, кириллическая, которая существует по настоящее время. Вертейм показала, как связаны разные виды письменностей на символическом уровне, как создавалась новая татарская идентичность на разных этапах. Автор убедительно продемонстрировала, что разные виды письменности имеют разное символическое значение и отсылают к разным этапам татарской истории.

В пятой главе «Хинди — совершенный, урду — бестолковый: дискурс о делигитимации урду в Индии» Ризван Ахмад (Rizwan Ahmad) исследует конструирование образа хинди в конце XIX в. на севере Индии. Автор цитирует интересные материалы: служебные записки сотрудников департамента образования, статьи и заметки в газетах северо-западных индийских провинций — и показывает способы конструирования образа «совершенного», «исконного», «благонравного» языка хинди в противостоянии с «чужим», «предосудительным», «дефектным» и «неправильным» языком урду, который ассоциировался с исламом и мусульманской культурой.

Создание новых идентичностей на орфографическом уровне стало темой следующей, шестой, главы «Правописание и идентичность на юге Голландии (1750–1830)», написанной коллективом из четырех авторов: Риком Востерсом (Rik Vosters),

Гисбертом Руттенем (Gijsbert Rutten), Марийке Ван Дер Вал (Marijke van der Wal) и Вимом Ванденбусхе (Wim Vandenbussche). В статье авторам удалось показать, как в условиях обретения государственной независимости Бельгии и конструирования новой национальной идентичности кажущиеся незначительными орфографические различия между северным нидерландским (голландским) и южным (фламандским) языками создают непреодолимые разногласия между жителями соседних и имеющих общее историческое прошлое территорий.

Авторы реконструируют два языковых мифа, бытовавших в общественном дискурсе Бельгии. Один из них связан с идеей языкового упадка (language decay) в южной части Нидерландов (Southern Netherlands) на фоне недостаточной разработанности языковой нормы, отсутствия единого правописания, сильного влияния французского языка на фламандский (в том числе и широкого использования французского языка элитой; Р. 145). В данной главе правописание представлено авторами как особый маркер политической лояльности и религиозной принадлежности (Р. 142). Второй языковой миф — представление об однородности нидерландского языка — прямо связан с первым и представляет его более развернуто: если язык один, то и правописание должно быть одно, поэтому любые южные «отклонения от нормы» воспринимаются как нарушение (незнание) правил. Истоки этого мифа лежат в XVII в., когда нидерландский язык приобрел письменный стандарт (Р. 149).

В седьмой главе «Орфография как грамотность: как язык острова Мэн был сведен к письменности» Марк Себба исследует отношения между орфографией, грамотностью и билингвизмом с социокультурной точки зрения. Мэнский язык — один из кельтских, связанный с шотландским и гаэльским языками, но с более короткой письменной традицией. Орфография мэнского языка отличается от орфографии гаэльского: в ней много заимствований из английского. Мэнская орфография оказала значительное влияние на языковой сдвиг на острове Мэн, и в результате мэнский язык потерял функциональные позиции, уступив английскому.

Восьмая глава «Орфография как практика: опыт пенсильванского немецкого», написанная Дженнифер Шлегель (Jennifer Schlegel), посвящена исследованию языковой идеологии, оказывающей влияние на тех, кто обучается миноритарным языкам в ситуации языкового сдвига. Шлегель описывает очень интересный случай — отношение к орфографии в среде слушателей и преподавателей пенсильванского немецкого языка — и проводит классическое исследование методами включенного наблюдения и развернутых интервью. Она приходит к выводу,

что отношение к орфографии у тех, кто изучает язык на специальных курсах, зависит от исходных позиций: например, орфография может представляться ненужной, мешающей, т.к. задача слушателя — получить навыки говорения и общения, а не переписки. При этом учителя могут настаивать на приоритете изучения письменности, поскольку, по их мнению, письменная коммуникация является важной частью освоения языка: слушатели должны уметь читать и писать (Р. 191).

Эта глава представляется одной из наиболее интересных. Автор говорит не только о соотношении официальной и неофициальной письменности, но и о широком спектре различных взаимоотношений между языком меньшинств, изучением его в семье и на курсах, описывает мотивы своих информантов, причины, побудившие учителя создать альтернативную орфографию, по которой он обучает своих слушателей. Шлегель затрагивает важные для носителей миноритарных языков вопросы: кто пишет словари и кто создает норму, как эта норма соотносится со взглядами носителей языка? В статье заметно неравнодушие автора к описываемому случаю, но присутствие эмоционального компонента только усиливает положительное впечатление от текста.

В девятой главе «Транскрипция на практике: нестандартизированная орфография» Александра Яффе исследует орфографические практики лингвистов. Транскрибирование устных записей — важная часть работы многих специалистов в этой области. Яффе изучает политическую и идеологическую составляющие транскрипции записей информантов, в деталях исследует социолингвистическое и прагматическое значение нестандартизированной орфографии при транскрибировании текстов.

Десятая глава «Орфография и каллиграфическая идеология в ирано-американской частной школе» написана Амиром Шарифи (Amir Sharifi). Автор показывает особую значимость персидской каллиграфии для национальной и культурной идентичности иранцев-эмигрантов. В 2003–2005 гг. Шарифи проводил полевое исследование в Лос-Анджелесе в среде мигрантов из Ирана. Он подчеркивает особую роль телесных метафор в обучении каллиграфическому искусству «элегантного письма». «Головы», «хвосты», «глаза» и «девчачьи юбочки» у букв алфавита позволяют детям быстрее овладеть навыками искусства, имеющего высокую символическую ценность и отражающего принадлежность к старой персидской культуре. Эти практики — часть более широкой языковой и культурной социализации у поколения детей, родившихся уже в США и вовлеченных в американскую культуру.

Юрген Шпицмюллер (Jurgen Spitzmuller) в одиннадцатой главе «Изменчивые идеологии: метаморфозы графического изображения “немецкости”» использует термин «графические идеологии», опираясь на понятие лингвистической идеологии Сильверстейна. Автор приводит примеры использования умлаута и готического шрифта (blackletter) как способов конструирования «немецкости». Важное замечание, сделанное в главе, касается неоднородности и динамичности человеческих представлений и семиотических связей: идеологический аспект графических элементов может изменяться в зависимости от контекста использования, жанра, вербальной аргументации.

Наблюдение автора о контекстуальной обусловленности и неоднородности социальных представлений на разных уровнях интерпретации можно подтвердить еще один примером из рецензируемой книги: в четвертой главе, посвященной Татарстану, зеленый цвет назван символом исламской религиозной идентичности (Р. 90), в то время как автор одиннадцатой главы приводит в пример тот же цвет как символ национальной идентичности: в европейской культуре зеленый связан с Ирландией, так же как оранжевый — с Голландией (Р. 257).

Шпицмюллер описывает историю изменения представлений о готическом шрифте: изначально данный шрифт ассоциировался с протестантизмом (в отличие от латинского алфавита, связанного с католичеством); затем, с приходом к власти нацистов, старый тип письма стал представляться не немецким, а еврейским, антигерманским (Р. 264). Современные неонационалистические и национал-социалистические группы широко используют стилизацию под готическое письмо — в их представлении оно ассоциируется с нацистской культурой. В то же время в консервативных партиях готическое письмо продолжает функционировать как символ германской национальной идентичности. Еще одно интересное наблюдение автора — борьба идеологических репрезентаций в правках к статьям «Википедии», посвященным знаку умлаут и готическому письму. Автор иллюстрирует свое исследование большим количеством визуальных материалов: этикетки, скриншоты страниц сайтов, плакаты на демонстрациях.

В двенадцатой главе «Кто что акцентирует¹: социолингвистическая вариативность в переписке через сервисы мгновенной передачи сообщений» Лорен Скваэрс (Lauren Squires) исследует употребление апострофа как социолингвистическую переменную в переписке на английском языке. Информанты авто-

¹ В оригинале “Whos punctuating what? Sociolinguistic variation in instant messaging” — здесь присутствует элемент языковой игры: слово whos дано без апострофа.

ра — юноши и девушки, которых просили сохранить переписку с друзьями. Используя количественные методы, автор обнаруживает разницу в частоте употребления апострофа в зависимости от пола пишущего и пола собеседника. Женщины, согласно выводам Сквээрс, чаще используют апостроф, чем мужчины, особенно если собеседник принадлежит к другому полу. При этом мужчины в общении с женщинами меньше склонны соблюдать языковую норму и ставить апостроф там, где это необходимо, но чаще используют апостроф при общении с другими мужчинами.

Ларс Хинрикс (Lars Hinrichs) в тринадцатой главе «Как писать на локальном диалекте: исследование ямайских блогов и переписки по электронной почте» изучает блоги и электронную переписку, в которых используется ямайский креольский, применяя количественные методы и сравнивая частотность употребления нестандартной креольской и стандартной английской орфографии. Хинрикс, специалист в области интернет-переписки, исследует функционирование устного локального диалекта на материале компьютерно-опосредованной переписки, в основном блогов и электронных писем.

Непосредственный разбор лингвистических и экстралингвистических факторов, влияющих на выбор пишущих, приводит Хинрикса к интересным наблюдениям о связи выбора орфографии с двумя социолингвистическими переменными: полом и местом проживания. Он приходит к выводу, что женщины чаще мужчин используют нестандартную креольскую орфографию (46,4 % против 36,5 % — Р. 345).

Хинрикс замечает, что живущие в диаспорах, за рубежом, используют нестандартную креольскую орфографию, чтобы устранить неоднозначность между языковыми кодами в тех случаях, где слова имеют одинаковую форму, но разное значение. Этот тип вариации связан с семантической неоднозначностью письменного текста (слова выглядят одинаково, и непонятно, к какому языку они принадлежат). Регулярное использование нестандартной креольской орфографии взамен орфографии английского языка связано с желанием подчеркнуть, что ямайский креольский — это отличный от английского язык, пусть и не имеющий стандартной общепринятой нормы. Подчеркивание различий между ямайским идиомом и английским — вопрос более принципиальный для тех, кто живет на Ямайке, в то время как для живущих за рубежом это конструирование границы между английским и ямайским креольским менее актуально (Р. 352), для них важны скорее прагматические аспекты, связанные с понятностью речи, проявлением неоднозначности.

В последней, четырнадцатой, главе «Греклиш: практика транслитерации и дискурс в контексте компьютерно опосредованной диграфии» Янис Андропулос изучает практику письма на греческом языке с использованием латинского алфавита в сети Интернет. Автор показывает, как пользователи интернета создают различные стили транслитерации, иногда с возникновением локальных норм между теми, кто поддерживает регулярную переписку друг с другом и состоит в одном сообществе (Р. 380). Эта тема близка всем пишущим на кириллице, которые были вынуждены в начале 2000-х гг. пользоваться разнообразными сочетаниями латинских букв для передачи кириллического языка в sms-коммуникации.

В рецензируемой книге языковая идеология представлена как объяснительная модель для интерпретации выбора, который делают люди; как способ объяснения причин каждого выбора; как ответ на вопрос, почему и зачем носитель языка, субъект социального действия, выбрал (осознанно или нет) тот или иной вариант языка, шрифта, буквы, алфавита, почему нарушил нормы стандартного языка или почему относится негативно (или подчеркнуто позитивно) к тому или иному орфографическому явлению.

«Орфография как социальное действие» — концептуальная интерпретативная рамка, в которую авторы помещают различные орфографические case studies и анализируют их на предмет выявления таких контрастивных понятий, как *свое — чужое*¹, *мы — другие*, *престижно — непрестижно* и т.д. Таким образом, орфография встраивается в систему социальных действий, посредством которых актер — действующий субъект, как коллективный, так и индивид, осуществляет само действие, выбор с определенной целью: изменение ситуации, выражение своей позиции, принадлежности, символической ценности и других социально-опосредованных целей.

Неудачной в книге кажется некоторая избыточность: ссылаясь на одни и те же теории, авторы повторяют практически одни и те же цитаты, определения языковой идеологии, одних и тех же авторов, приходят к одним и тем же выводам об опосредованности орфографического выбора. Конечно этот обусловлено целью, которую ставили перед собой авторы: на материале из различных стран и культур представить орфографию как еще один уровень социально-опосредованного поведения индивида и языкового коллектива. Этот недостаток, как часто бывает, является продолжением основного достоинства книги:

¹ О восприятии носителями границ «своего» и «чужого» в языке см. классические работы: [Le Page, Tabouret-Keller 1985; Le Page 1998].

обширной доказательной базы на синхронном и диахронном уровнях.

Авторам книги, безусловно, удалось утвердить взгляд на орфографию как на социальный конструкт, который так же наполнен социальными смыслами, ролями и функциями, как и любой другой уровень репрезентации идентичности.

Библиография

- Сильверстейн М.* Уорфианство и лингвистическое воображение нации // Логос. 2005. № 4 (49). С. 71–115.
- Fishman J.A.* Advances in the Creation and Revision of Writing Systems. The Hague: Mouton, 1977. 495 p.
- Irvine J., Gal S.* Language Ideology and Linguistic Differentiation // Kroskrity P.V. (ed.). Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities. Santa Fe: School of American Research Press, 2000. P. 35–84.
- Jaffe A.* The Second Annual Corsican Spelling Contest: Orthography and Ideology // American Ethnologist. 1996. Vol. 23. No. 4. P. 816–835.
- Le Page R.B.* “You Can Never Tell Where a Word Comes From”: Language Contact in a Diffuse Setting // Trudgill P., Cheshire J. (eds.). The Sociolinguistics Reader. L.: Arnold, 1998. Vol. 1: Multilingualism and Variation. P. 66–89.
- Le Page R.B., Tabouret-Keller A.* Acts of Identity: Creole-Based Approaches to Ethnicity and Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 275 p.
- Schieffelin B., Doucet R.* The “Real” Haitian Creole: Metalinguistics and Orthographic Choice // Language Ideologies. 1992. Vol. 2. Is. 3: Special Issue of Pragmatics. P. 427–443.
- Sebba M.* Spelling and Society. The Culture and Politics of Orthography around the World. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 210 p.
- Silverstein M.* Language Structure and Linguistic Ideology // Clyne P., Hanks W.F., Hofbauer C.L. (eds.). The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1979. P. 193–247.
- Woolard K., Schieffelin B.* Language Ideology // Annual Review of Anthropology. 1994. Vol. 23. P. 55–82.

Елена Лубянкина

Review of Mark Sebba, Alexandra Jaffe, Jannis Androutsopoulos, Sally Johnson (eds.), *Orthography as Social Action: Scripts, Spelling, Identity and Power*. Berlin: De Gruyter, 2012, 392 pp. (Language and Social Processes)

Elena Lubiankina

European University at St Petersburg
Gagarinskaya st. 3, St Petersburg, Russia
lubyankina@gmail.com

This review of *Orthography as Social Action: Scripts, Spelling, Identity and Power* explores the sociolinguistic implications of different aspects of writing systems. The volume was edited by Mark Sebba, Alexandra Jaffe, Jannis Androutsopoulos and Sally Johnson, and contains fourteen chapters with wide range of examples of how writing systems become an index of social relations and identities. For a long time, orthography and written language were not included in the system of linguistic beliefs, and were neglected from a social point of view. The authors convincingly demonstrate that orthography is another level of identity representation. Based on the concept of linguistic ideology, this book shows a new focus of sociolinguistic research. The book argues that spelling contains as many social meanings as speech, and some spelling reflects the ideology, identities and stance of society or the individual language user.

Keywords: orthography, language ideology, language attitudes, spelling, graphic aspects of writing.

References

- Fishman J. A., *Advances in the Creation and Revision of Writing Systems*. The Hague: Mouton, 1977, 495 pp.
- Irvine J., Gal S., 'Language Ideology and Linguistic Differentiation', Kroskrity P. V. (ed.), *Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities*. Santa Fe: School of American Research Press, 2000, pp. 35–84.
- Jaffe A., 'The Second Annual Corsican Spelling Contest: Orthography and Ideology', *American Ethnologist*, 1996, vol. 23, no. 4, pp. 816–835.
- Le Page R. B. "‘You Can Never Tell Where a Word Comes From’: Language Contact in a Diffuse Setting", Trudgill P., Cheshire J. (eds.), *The Sociolinguistics Reader*. London: Arnold, 1998, vol. 1: Multilingualism and Variation, pp. 66–89.
- Le Page R. B., Tabouret-Keller A., *Acts of Identity: Creole-based Approaches to Ethnicity and Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985, 275 pp.
- Schieffelin B., Doucet R., 'The “Real” Haitian Creole: Metalinguistics and Orthographic Choice', *Language Ideologies*, 1992, vol. 2, is. 3: Special Issue of Pragmatics, pp. 427–443.

- Sebba M., *Spelling and Society. The Culture and Politics of Orthography around the World*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007, 210 pp.
- Silverstein M., 'Language Structure and Linguistic Ideology', Clyne P., Hanks W.F., Hofbauer C.L. (eds.), *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1979, pp. 193–247.
- Silverstein M., 'Whorfianism and the Linguistic Imagination of Nationality', Kroskrity P. (ed.), *Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities*. Santa Fe: School of American Research Press, 2000, pp. 85–138.
- Woolard K., Schieffelin B., 'Language Ideology', *Annual Review of Anthropology*, 1994, vol. 23, pp. 55–82.